

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Врублевская-Токер.

Гюстав Лебон: скептик, доктринер, провидец 7

Предисловие 13

Введение. Эпоха масс 19

Книга I. **Душа толпы**

Глава 1. **Общие характеристики масс.**

Психологический закон их ментального единства 31

Глава 2. **Чувства и нравственные качества масс 42**

§ 1. Импульсивность, подвижность
и раздражительность масс 43

§ 2. Внушаемость и доверчивость масс 47

§ 3. Гипертрофированность и простота чувств масс 58

§ 4. Нетерпимость, авторитарность
и консерватизм масс 62

§ 5. Нравственные качества масс 64

Глава 3. **Идеи, рассуждения и воображение масс 68**

§ 1. Идеи масс 68

§ 2. Рассуждения масс 73

§ 3. Воображение масс 74

Глава 4. **Религиозные формы, в которые облачаются**

любые убеждения масс 80

Книга II. **Мнения и верования масс**

Глава 1. **Вторичные факторы мнений и верований масс 91**

§ 1. Раса 92

§ 2. Традиции 93

§ 3. Время	96
§ 4. Политические и общественные институты.....	97
§ 5. Образование и воспитание	102
Глава 2. Факторы, непосредственно определяющие мнение масс	114
§ 1. Образы, слова и лозунги	115
§ 2. Иллюзии	122
§ 3. Опыт	124
§ 4. Разум	126
Глава 3. Предводители масс и их средства убеждения.....	130
§ 1. Предводители масс	130
§ 2. Способы воздействия, используемые предводителями: утверждение, повторение, заражение	137
§ 3. Притягательность	144
Глава 4. Пределы изменчивости верований и мнений масс ...	157
§ 1. Устойчивые верования масс	157
§ 2. Изменчивые верования масс	163
 Книга III. Классификация и описание отдельных категорий масс 	
Глава 1. Классификация масс	175
§ 1. Разнородные массы.....	176
§ 2. Однородные массы	178
Глава 2. Массы, называемые преступными	179
Глава 3. Судьи суда присяжных.....	184
Глава 4. Электоральные массы	192
Глава 5. Парламентские собрания.....	202

ГЮСТАВ ЛЕБОН: СКЕПТИК, ДОКТРИНЕР, ПРОВИДЕЦ

Народные массы, охваченные какой-нибудь идеей, с давних времен то и дело появлялись на арене истории. Однако лишь с началом эпохи великих революций массы превратились в самостоятельную политическую силу, способную свергать одну власть и устанавливать другую. От привычных участников политических состязаний их отличало все: численность, состав, образ мышления, способность к самоорганизации и действиям без явного лидера. С массами нужно было говорить на их языке, договариваться по их правилам, но изучить этот язык и освоить правила в бешеном ритме исторических перемен удавалось немногим.

Со времен Великой французской революции прошло почти сто лет, прежде чем в общественной и философской мысли Франции появились первые, хотя бы общие, наброски учений о психологии народных масс. Одна из работ на эту тему, «Психология масс», принадлежит перу Гюстава Лебона. Книга увидела свет в 1895 году и с тех пор разошлась миллионными тиражами, хоть сам автор называл ее лишь кратким обобщением, резюмированием своих изысканий.

Читая книгу, легко понять, что автор явно скромничал — идейный и содержательный масштаб его труда завораживает, на ста с лишним страницах он разместил полноценное изложение свойств и качеств народной массы, толпы как коллективного субъекта. Стоит сделать лишь несколько оговорок, важных для понимания этой книги.

Одним из значимых источников ее смысла является личность автора. Гюстав Лебон (1841–1931) происходил из дворянской семьи — есть сведения, что гербы его предков датируются 1698 годом. Аристократическое происхождение то и дело скользит по страницам его работ: это можно заметить и в его пренебрежительном отношении к низшим сословиям, и в том, что он не спешит причислять к народным массам себя, и в том назидательном тоне, которым он часто объясняет причины того или иного поведения толпы.

Своим занятием Гюстав Лебон избрал медицину, получив диплом Парижского университета. В XIX веке профессия врача открывала большие исследовательские возможности: помимо практики Лебон занимался вопросами антропологии, психологии, социологии, философии, наблюдая не только за физиологией пациентов, но и за их духовными особенностями. Медицина и ее методы навсегда определили особенности научного подхода Лебона — буквально на все вопросы он смотрит глазами врача, а социальные и психологические характеристики человека и общества изучает, создавая их особую «этиологию», связанную с определенными «анатомическими характеристиками» или «патологиями». Его собственный метод больше всего напоминает именно установление этиологии того или иного общественно-политического явления.

Способность иначе взглянуть на проблему Лебон продемонстрировал еще в самом начале научной карьеры. Его первые работы были посвящены заболеваниям в местах с неблагоприятным климатом, например в болотистой местности, причем именно условия проживания он рассматривал как главные причины болезней. Другой предмет, занимавший его в начале ученой карьеры, — методы точного установления факта смерти. Сегодня медики привычно связывают начало жизни с началом мозговой деятельности, а кончину человека — с ее прекращением, этот критерий используют и в трансплантологии, и при ре-

шении биоэтических проблем в медицине, но смерть человека со смертью его мозга одним из первых отождествил именно Лебон. Ему же принадлежит честь теоретической разработки некоторых методов реанимации, воплотить которые удалось только медикам XX века. Тем не менее изучение мозга как ведущего органа человека сыграло с Лебоном и злую шутку.

Естествознание в XIX веке переживало невиданный бум. Методы естественных наук широко использовались в изучении проблем философии и гуманитарной сферы. Теория эволюции приобретала тысячи сторонников, значительной популярностью пользовались исследования первобытных обществ, складывалась социология — новая наука о природе человека и общества, использующая точные научные методы. Зарождающаяся нейробиология, наука о мозге, высказывала много различных гипотез о связи между строением мозга и характеристиками его обладателя.

Очарованию этих гипотез поддался и Лебон. Особенности устройства мозга и даже рельефа черепа он объяснял различия между разными народами, а также между мужчинами и женщинами. Он делал масштабные философские и социально-политические выводы на основании научных данных, которые на самом деле оказались приложимы к ограниченному кругу проблем. Сегодня ученым известно, как мозговая деятельность влияет на поведение и эмоции человека, однако никто не спешит всерьез связывать, например, объем мозга с интеллектуальными способностями человека, ставить его в зависимость от расовой или половой принадлежности. Лебон, однако, сравнивая черепа европейцев и других народов, разделял расы на «высшие» и «низшие», оправдывал колониальную политику европейских держав, критиковал введение массового образования в странах-колониях, рассуждал об особенностях национальных характеров — даже термин «раса» он использовал в значении «народ». Причину различий

между мужчинами и женщинами он также искал в физиологии их мозга. Мы прекрасно понимаем: как только нечто получает обоснование с точки зрения науки, в глазах большинства это становится объективной реальностью. Строением мозга мужчин и женщин Лебон оправдывал превосходство одних над другими, объяснял необходимость раздельного обучения в школах и аргументировал низкое интеллектуальное развитие женщин, а также отсутствие всестороннего образования для них. Этим он снискал себе самую недобрую славу в рядах современных сторонников эмансипации и гендерного равенства.

В фокус пытливого взгляда Лебона попадали многие другие предметы и темы: антропология, физика, химия, архитектура, педагогика, этнография, история цивилизаций и т. д., и всем его работам были присущи две черты — претензия на объективность, подкрепленная обращением к фактам, и необыкновенно легкий, простой, часто ироничный или поэтический стиль изложения. За каждой из них, впрочем, скрывается то, что позднее назовут приемами управления вниманием. Выявляя и изучая техники влияния на мнения масс, Лебон в своих книгах дал их блестящий наглядный образец — его читатель то и дело чувствует на себе повелевающую силу этой апелляции к очевидному, подчеркнутого отказа от умозрительных рассуждений, его увлекают яркие образы, ритмичность текста и почти эпическая поэтичность описания подъема, расцвета и падения цивилизаций, которым завершается эта книга.

В области психологии больших людских скоплений, тем не менее, раскрылся не риторический, а провидческий гений Лебона. Практически на пустом месте ему удалось соединить воедино наблюдения и размышления, которые позже легли в основу массовой психологии, стали первым шагом в построении теории деиндивидуализации, задали тон изучению коллективного поведения.

Прежде всего Лебон выдвинул идею, согласно которой люди, собравшись вместе, представляют собой целое, чья

природа намного богаче суммы всех индивидуальностей. Это скопление, толпа, или масса, существует уже как единое целое, связанное ментально: умственно, психологически, психически. Лебон устанавливает закон ментального единства толпы (по другой версии — закон ее духовного единства), и на его основании он создает понятие «душа масс».

Однако «дух», «духовность» в привычном, возвышенном смысле совершенно чужды толпе. В работах Лебона она представляет собой коллективный субъект, объятый одними примитивными чувствами, охваченный одними банальными идеями, наделенный общим бессознательным. В толпе человек утрачивает отличительные свойства своей личности, им руководит инстинкт, он готов к активным действиям и не склонен проявлять благоразумие.

«Душе масс» Лебон противопоставил понятие «душа расы», которая складывается из т. н. наследственных характеристик, включающих в себя передаваемый из поколения в поколение уклад жизни того или иного народа, его ценности, его привычки, его устоявшиеся стратегии поведения, его видение себя в мире. Душа расы, или душа народа, в отличие от души масс, устойчива, она может стать точкой опоры для человека, ищущего свою идентичность. Разные вариации этой идеи Лебона нашли применение в современных культурно-антропологических исследованиях, изучающих присущие тому или иному народу общие духовные свойства.

Следует заметить, что Лебон достаточно вольно обращался со значением понятий. Под именем «толпы» в его рассуждениях выступают и толпа, и масса вообще, и народные массы в частности. «Расой» он называл устойчивую, в отличие от толпы, общность, не слишком принимая во внимание особенности народов и наций и их отличие от родов и племен. Третье ключевое для его книги понятие, «цивилизация», также трактуется в расширительном смысле. Это и этап развития общности людей, следующий

за дикостью и варварством, и развитая культура, основанная на идеалах и ценностях, и высокоразвитое, целостное историческое образование (европейская цивилизация, мусульманская цивилизация). Подобное разнообразие смыслов можно объяснить, пожалуй, тем, что для Лебона научная дотошность была менее важна, чем необходимость отразить идею массы, описать механизм возникновения масс и установить причины их нарастающего могущества.

Лебон создал свой труд на злобу дня, в ответ на исторические вызовы, с которыми столкнулось европейское общество второй половины XIX века. Но эта книга стала настоящим проводником в пространство публичной жизни и в мир идей того времени — в ней описано начало общественных потрясений, на наших глазах разворачивается их завершение. А, может быть, и продолжение...

Татьяна Врублевская-Токеф

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предметом нашей предыдущей работы была психология народов. Теперь мы приступаем к изучению психологии масс.

Набор общих признаков, унаследованных всеми индивидами данного народа, составляет душу этого народа. Но стоит определенному числу таких индивидов собраться в толпу, готовую к действию, как наблюдение наглядно покажет, что одного лишь факта их объединения достаточно для появления каких-то новых психологических черт, которые накладываются на собственные черты народа, а иногда принципиально отличаются от них.

Организованные толпы всегда играли значительную роль в жизни людей, но эта роль никогда прежде не была такой важной, как сегодня. Бессознательные массовые действия, заменяющие сознательные поступки человека, — одна из основных характеристик современности.

Я попробовал подойти к сложной проблеме масс исключительно с научной точки зрения, а именно попытался следовать четкой методологии, оставляя в стороне мнения, теории и доктрины. В данном случае я считаю это единственным путем к обнаружению нескольких фрагментов истины, особенно если речь идет, как здесь, о вопросе, живо волнующем умы. Когда ученый старается описать какой-то феномен, он не должен беспокоиться о тех интересах, которые могут быть затронуты его изысканиями. В своей недавней публикации господин Гобле д'Альвьелла¹, выдающийся мыслитель, заметил, что я, хоть и не

¹ Эжен Гобле д'Альвьелла (1846–1925) — известный французский историк, профессор, а позже ректор Брюссельского свободного университета, президент Королевской академии Бельгии (1897), современник Лебона. Он был специалистом в области истории религии и среди прочего изучал

принадлежал ни к одной из современных школ, то и дело не соглашался с выводами всех этих школ. Моя новая работа, полагаю, будет удостоена таких же замечаний. Принадлежать к какой-нибудь школе — значит в обязательном порядке разделять ее предрассудки и преубеждения.

Однако я должен объяснить читателю, почему — как он увидит это в дальнейшем — в своих изысканиях я делаю выводы, отличные от тех, которые подразумевались на первый взгляд; я отмечаю, например, крайнюю умственную неполноценность масс, включая собрания элит, и тем не менее заявляю, что, несмотря на эту неполноценность, было бы опасно вмешиваться в их организацию.

Самое внимательное наблюдение за историческими фактами всегда показывало, что социальные организмы сложны подобно всем прочим существам и что не в нашей власти подвергать их внезапным глубоким преобразованиям. Природа иногда радикальна, но никогда — так, как мы понимаем эту радикальность, вот почему мания великих реформ наиболее губительна для народа, какими бы прекрасными эти реформы ни выглядели в теории. Они были бы полезны только в том случае, если бы можно было моментально изменить душу наций. Но подобной силой обладает только лишь время. Человеком руководят идеи, чувства и нравы — то, что заложено в нас самих. Институты и законы — это проявление нашей души, выражение ее потребностей. Порожденные этой душой, институты и законы не могут ее изменить.

Изучение социальных явлений нельзя отделить от изучения тех народов, среди которых они возникают. С философской точки зрения эти явления могут иметь абсолютную ценность; с практической — их ценность относительна.

культуру народов Индии. Его книга «Миграция символов» (*La Migration des symboles*) является одной из значимых работ в области сравнительного религиоведения. (Здесь и далее — комментарии Т. Врублевской-Токер.)

Так, изучая некоторое социальное явление, его нужно последовательно рассматривать с двух очень разных точек зрения. В этом случае мы увидим, что веления чистого разума довольно часто противоречат наставлениям разума практического². Едва ли найдутся такие данные, даже из области физики, к которым это различие нельзя было бы применить. С точки зрения абсолютной истины и куб, и круг — неизменные геометрические фигуры, строго определяемые точными формулами. С точки зрения нашего глаза эти геометрические фигуры могут принимать самые разные формы. Перспектива может превратить куб в пирамиду или квадрат, а круг — в эллипс или прямую линию; и гораздо важнее принимать во внимание эти вымышленные формы, нежели настоящие, поскольку они — то единственное, что видим мы и что могут воспроизвести фотография или картина. В некоторых случаях нереальное более соответствует истине, чем реальное. Представляя предметы в их точных геометрических формах, мы бы исказили природу и сделали ее неузнаваемой. Представим себе мир, чьи обитатели могут только лишь зарисовывать или фотографировать объекты, не имея возможности прикоснуться к ним, — в таком мире было бы очень трудно получить точное представление об их

² Разделение разума на чистый и практический чаще всего ассоциируется с учением И. Канта, однако Лебон использует его как популярный философский методологический ход, известный задолго до работ немецкого мыслителя. «Веления чистого разума» он понимает как идеи, сформулированные умозрительно, вне опыта, в чистом, или абсолютном, виде. Лебон приводит самый популярный и самый очевидный пример таких идей: математические аксиомы, а также формулы, выводимые без опоры на опыт или эксперимент. «Наставлениями практического разума» он называет суждения, высказываемые «как есть» о том, что мы видим, переживаем, чувствуем, используем в повседневной жизни, даже не зная, как это на самом деле устроено. Подобно тому, как нам понадобился бы какой-то метод, чтобы понять, что мы видим пирамиду, а на самом деле это искаженный перспективой куб, так и Лебон стремится применить свой метод, чтобы понять, что представляет собой психология масс.

форме. Кроме того, к знанию об этой форме, доступно лишь небольшому числу ученых, проявляли бы весьма скромный интерес.

Философ, изучающий социальные явления, должен иметь в виду, что они обладают как теоретической, так и практической ценностью и что с точки зрения эволюции цивилизаций именно она имеет хоть какое-то значение. Подобное утверждение должно сделать его очень осмотрительным в выводах, которые, судя по всему, изначально навязывают ему законы мышления.

Но эта сдержанность бывает продиктована также иными мотивами. Сложность социальных фактов³ такова, что охватить их все вместе невозможно, как и предвидеть последствия их взаимного влияния. Вместе с тем кажется, что за видимыми фактами иногда скрываются тысячи невиди-

³ Понятие «социальный факт» было введено Э. Дюркгеймом (1858–1917), одним из основателей социологии как самостоятельной науки, и для Лебона оно было частью самого современного знания об обществе. Он использует это понятие не как устойчивую научную категорию, а как новую идею, о содержании которой можно и нужно рассуждать, внося свой вклад в ее обсуждение. Социальными фактами Э. Дюркгейм назвал такие образы действий, способы мышления и чувствования, которые существуют объективно по отношению к индивиду и обладают для него нормативно-принудительной силой. Социальные факты делятся на факты коллективного сознания (общие идеи и чувства, моральные максимы, верования, нравственные нормы, кодексы поведения, интересы и мотивы людей и т. д.) и морфологические факты («материальный субстрат» общества), или явления, совокупность которых образует материальные условия жизни людей; они носят не природный характер и порождены деятельностью самого общества (численность и плотность населения, форма и устройство жилища, географическое положение и т. д.). Дюркгейм настаивал на том, чтобы рассматривать социальные факты как особый род вещей, данных или даже навязанных нашему наблюдению — предыдущая традиция не признавала того, что социальные явления могут иметь устойчивое значение, не зависящее от мнения исследователя. Дюркгейм, как и Лебон, использовал методы объективного научного исследования для выявления настоящего значения социальных фактов. В широком смысле всю «социальную этиологию масс», разработанную Лебоном, можно считать исследованием социальных фактов, в частности фактов коллективно-бессознательного.

мых причин. Видимые социальные явления представляют собой результат громадной бессознательной работы, чаще всего недоступной нашему анализу. Воспринимаемые явления можно сравнить с волнами, передающими на поверхность океана силу подземных толчков, о которых нам ничего не известно. Наблюдаемые в большинстве их действий, массы демонстрируют крайне низкую разумность; но есть и другие их действия, в которых, кажется, ими руководят те таинственные силы, которые древние называли судьбой, природой, провидением, а мы — голосом предков⁴, и чью силу мы не можем игнорировать, хотя и не знаем их сущности. Иногда может показаться, что в недрах народов скрыты управляющие ими силы. Что может быть, например, сложнее, логичнее, прекраснее языка? И откуда берется эта хорошо организованная и тонкая вещь, как не из бессознательной души толпы? Самые ученые академики, самые почтенные грамматиканы могут лишь с болью фиксировать законы, управляющие этими языками, тогда как сами они совершенно неспособны их создать. Можем ли мы быть в полной мере уверены, что и гениальные идеи великих людей созданы исключительно ими самими? Несомненно, они всегда создаются одинокими душами; но разве не душой толпы были образованы тысячи частиц того аллювия⁵, где зародились эти идеи?

Массы, вне всяких сомнений, никогда сознанием не обладали, но сама эта бессознательность, возможно, и яв-

⁴ Стремясь к научной объективности, Лебон не стал бы использовать «голос предков» как образ или метафору. Следует полагать, что в понятии голоса предков он стремился выразить те механизмы, которые отвечают за передачу из поколения в поколение различных идей, традиций, культурных установок, этических норм, определяющих своеобразие жизни того или иного общества. Младший современник Лебона, Морис Хальбвакс (1877–1945), более подробно исследовал эту тему в концепции коллективной памяти (историческая, социальная, культурная память).

⁵ Аллювий — геологический и почвоведческий термин, обозначающий наносные отложения разных видов грунта, возникающие в постоянных водных потоках. Из школьного курса истории всем известно об ал-

ляется одним из секретов их силы. В природе существа, подчиняющиеся исключительно инстинкту, совершают поступки, чья сложность поражает нас. Разум — слишком новый для человечества предмет, и все еще слишком несовершенный, чтобы иметь возможность открыть нам законы бессознательного и прежде всего найти ему замену. Во всех наших действиях доля бессознательного огромна, а доля разума очень мала. Бессознательное действует как все еще неизведанная сила.

Таким образом, если мы хотим оставаться в узких, но надежных рамках того, что может познать наука, а не блуждать в царстве смутных догадок и пустых гипотез, мы должны просто наблюдать доступные нам явления, ограничиваясь их констатацией⁶. Любой вывод, сделанный на основе наших наблюдений, чаще всего будет преждевременным, потому что за явлениями, которые мы видим хорошо, есть другие, которые мы видим плохо, и, возможно, даже за ними есть еще и те, которых мы не видим вовсе.

лювиальных почвах на берегах Нила, где возникла великая цивилизация Египта. Лебон использует термин «аллювий» в переносном смысле — «питательная среда».

⁶ Констатация, или изложение фактов, — одна из существенных черт научного метода Лебона. Он, в полном соответствии с классической теорией аргументации, использует факты как разновидность содержательных доводов, т. е. ни их истолкование, ни тем более поиск их причин не требуется — они сами по себе служат доказательством идей Лебона.